

ОСОБЕННОСТИ ПОЛЬСКОГО ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ»

Статья посвящена анализу перевода повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» на польский язык. Выделяются следующие особенности: проблемы форм обращения, переводимости-непереводимости имён собственных, фразеологизмов и некоторых лексических единиц, связанных с определенными культурными традициями.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь; перевод; польский язык; русский язык; имена собственные; фразеологизмы; формы обращения.

Перевод художественного текста является серьёзной проверкой для любого переводчика. Для этого недостаточно хорошего знания обоих языков, необходим серьёзный литературоведческий анализ произведения, а также знание культурно-исторического контекста. Те же самые критерии важны и для оценки перевода.

Польский читатель имеет доступ почти ко всем великим произведениям русской литературы XIX века. История переводов произведений русской классической литературы на польский язык богата, качество перевода высокое. Тем не менее встречаются случаи, когда переводчик сталкивается с трудностями, вызванными различиями в культурном обиходе двух народов. Цель данной статьи — проанализировать качество польского перевода повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»; в частности, сосредоточиться на проблемах форм обращения, переводимости-непереводимости фактов ономастики, фразеологизмов и некоторых лексических единиц, связанных с определёнными культурными традициями.

В Польше творчество Н.В. Гоголя было известно уже в XIX веке¹: фрагменты из «Мёртвых душ» были изданы в 1844 году (всё произведение полностью — в 1876 году)², «Вечера на хуторе близ Диканьки» — в 1865 году³, «Ревизор» — в 1846 году⁴. В XX веке произведения Н.В. Гоголя переводили очень известные польские писатели: «Мёртвые души» перевёл В. Броневски (1897–1962), «Ревизор» — Ю. Тувим (1894–1953). «Ночь перед Рождеством» — Ежи Бженчковски (1895–1967), известный

¹ К сожалению, не удалось обнаружить в вильнюсских библиотеках этих переводов.

² www.biblionetka.pl/book.aspx?id=3552

³ www.biblionetka.pl/book.aspx?id=21932

⁴ www.biblionetka.pl/book.aspx?id=3951

прежде всего как переводчик произведений русской и советской литературы на польский язык (он перевёл роман М. Горького «Мать», трилогию К. Симонова «Живые и мёртвые», переводил рассказы А. Чехова и др. Бженчковски отлично знал русский язык и прекрасно чувствовал семантические оттенки слова).

Название повести «Ночь перед Рождеством» на польский язык переведено как «Noc wigilijna». Слово *wigilia* является названием дня, после которого наступает праздничный день, например, *wigilia imienin* (день / вечер накануне именин), *wigilia ślubu* (день / вечер накануне венчания / бракосочетания). Однако есть и более узкое значение этого слова, для каждого поляка вызывающее ассоциацию прежде всего с днём, вечером, а также ночью перед Рождеством (соответствующее русскому слову *сочельник*). Переводчик не стал буквально переводить заглавие как «Noc przed Bożym Narodzeniem», а приблизил его перевод к польской традиции, связанной с особым переживанием начала праздника (*wigilia*).

Формы обращения являются неотъемлемым элементом речевого этикета, который обусловлен особенностями культуры и языка, и нередко при переводе обращений утрачиваются некоторые элементы национального колорита. В данном случае это особенно непросто, поскольку речь идет о переводе на польский украинских обращений, изначально написанных Гоголем на русском языке. В современном польском языке есть только две формы обращения к адресату: неофициальная «ты» (множественное число «вы») и официальная «pan», «pani» (множественное число «panowie» — форма мужского рода, «panie» — форма женского рода, «państwo» — при одновременном обращении к мужчинам и женщинам). В польском отсутствует форма обращения к одному собеседнику на «вы». Тем не менее в старой польской традиции было возможно обращение на «вы» и к одному человеку: по сегодняшний день в польских диалектах, в локальных разновидностях языка вместо форм «pan», «pani» употребляется форма «вы», так называемая *pluralis maiestaticus* [5: с. 243], с помощью которой выражается глубокое уважение к собеседнику. Переводчику была известна эта локальная языковая традиция, и в тех случаях, когда в гоголевском тексте встречается форма «вы» — «Будто не видите, Осип Никифорович! — отвечала Солоха» (113)¹, становится понятным, почему переводчик все-таки не заменил её на «pan» или «pani»: «Jakbyście nie widzieli, Osipie Nikiforowiczu! — odpowiedziała Słocha» (74). Появление этой формы в какой-то степени является средством архаизации языка переводимой повести, ибо в XIX веке форма «вы» встречалась гораздо чаще, чем в XX веке.

¹ В скобках дан номер страницы.

Особые трудности для переводчика представляли комические ситуации. Очень тщательно переводя текст, соблюдая даже грамматическую форму слов, он всё-таки не мог передать весь комизм ситуации. Камнем преткновения стало обращение на «вы». В эпизоде заигрывания дьяка, особы духовного звания, с Солохой обращение «А что это у вас, великолепная Солоха?» индивидуализирует в глазах дьяка героиню как обладательницу женских прелестей — «обнаженной полной руки», «шеи, а на шее мониста» и ещё «неизвестно чего» (113). Соединение обращения к Солохе на «вы» с желанием дьяка осязать телесное порождает комический эффект сцены. Бженчковский в какой-то мере мог бы передать этот эффект, поскольку равнозначной по смыслу русской конструкции обладания «у меня есть» в польском языке является конструкция «*mam*» (имею). Переводчик мог бы ввести форму «*pani ma*» (А что это пани имеет?), *najwspanialsza Soločo*? или же воспользоваться формой «вы»: «А со то *macie* (А что это вы имее-те?), *najwspanialsza Soločo*?». Однако он предпочёл самый нейтральный вариант «А со то *takiego* (А что это такое), *najwspanialsza Soločo*?» (74), в котором утрачивается смысл указания на телесный признак, поэтому он необязательно должен связываться с Солохой.

Наиболее проблематичной для переводчика оказалась сцена у царицы, в которой ему нужно было переводить ответы запорожцев с русского и украинского. Обращение запорожцев к Потёмкину «Та вси, **батько!**», «Нет, **батько**, не забудем!» (131) переводчик не переводит и даёт лишь транслитерацию «Та, wsi **bat'ko!** — *odrzekli Zaporożcy, nisko się kłaniając*», «Nie, **bat'ko**, nie zapomnimy!» (102). Из трёх возможных вариантов перевода — *ojcze* (отче), *tato* (папа), *tatko* (тятя) — ни один не мог быть использован в силу невозможности такого обращения к незнакомому человеку (за исключением духовной особы), а тем более к человеку, занимающему высокое положение. Украинское обращение оказалось единственно возможным для сохранения аутентичности ситуации. Украинские обращения к царице «Помилуй, мамо, помилуй!», «Не встанем, мамо», «Та спасибі, мамо!» (131–132) Бженчковский переводит, однако перевод для поляка звучит странновато, так как подобной полуфамильярной традиции обращаться к царствующим особам не было вообще: «*Zmiłuj się, matuchno, zmiłuj się!*», «*Nie wstaniam, matuchno (...)*», «*Ta dziękujemy, mateczko!*» (103). Если бы переводчик дал польскую транслитерацию украинского обращения к царице «мамо» как «*tamo*», то это не выражало бы необходимой степени уважения и почтительности к императрице. Поэтому он решил привлечь слова «*matuchno*» и «*mateczko*», в которых очень ощутима сердечность и любовь.

Имена собственные (антропонимы и топонимы) в художественном произведении образуют свой неповторимый мир, содержат информацию о локальной и национальной принадлежности обозначаемых ими объектов, воссоздают исторический фон. Как правило, функциональность транскрибирования имён собственных заключается в том, что они, «наряду с остальными реалиями, являются теми немногими элементами перевода, которые сохраняют определённое национальное своеобразие в своей словесной звуковой форме» [1: с. 152]. Ежи Бженчковски в основном так и поступает. В польском переводе имена собственные сохраняют украинскую окраску: «Wakula», «Sołocha», «Perepeczycha», «Osip Nikiforowicz», «Foma Grigoriewicz», «Czub», «Mikita», «Swerbyguz», «Paciuk», «Zaporoże», «Sicz». В исключительных случаях переводчик вводит польские эквиваленты имён, например, евангелиста Луки как «Łukasza» и Екатерины II как «Katarzynu», потому что иначе эти имена в польском сознании не воспринимаются.

Особой характерологической функцией обладает группа так называемых «говорящих имён». В.С. Виноградов отмечал, что «заклЮчённая в значимых именах смысловая и эмоциональная информация должна быть “проявлена”. Значимое имя требует от читателя как оригинала, так и перевода, понимания смысла внутренней формы и восприятия её образности» [1: с. 164]. К «говорящим именам» в этой повести относится прозвище «Пацюк Пузатый». Слово «пацюк» в украинском языке имеет два значения ‘крыса’ и ‘поросёнок, кастрированный кабан’ [9: III, с. 222]. В старом польском языке и особенно в диалектах слово «paciuk» употреблялось в значении ‘поросёнок’, реже ‘wierz tuczony’ ‘толстый кабан’ [8: VI, с. 8]. Поэтому Бженчковски поступил в соответствии с языковыми нормами своего времени. Что касается второго члена прозвища «Пузатый», то он переведён как «Brzuchaty», от слова «brzuch» (живот), которое в польском языке по своей стилистической окраске является нейтральным. Несмотря на яркую экспрессивно-просторечную окраску слова «пузо», переводчик не использовал польские слова с подобной окраской: «bęben» (бубен), «bebesch» (внутренности), «kałdun» (пельмень), так как от них невозможно образовать имя прилагательное.

Возможно, считая, что для поляков семантическое значение ономастической единицы «Свербыгуз» понятно и без перевода, он это прозвище не переводит (перевод «Święzbiguz» или «Swędziguz» исказил бы украинскую фонетическую форму). Для русских читателей Вакула и Солоха стали «говорящими именами». В словаре В.И. Даля эти

слова фиксируются как нарицательные: «вакула» — ,продувной плут, обманщик' [4: I, с. 161], «солоха» — 'нерасторопная женщина' (одно из значений) [4: IV, с. 267]. В польском языке эти значения выражаются совсем другими словами, и переводчик, по-видимому, не захотел отдаляться от оригинала и подыскивать им польские эквиваленты. Для поляков слова *Wakuła* — «Вакула» и *Sołocha* — «Солоха» так и остались только личными именами персонажей. Так же переводчик поступил и с «парубком Кизяколупенко» и, не вдаваясь в тонкости значения составных элементов нелепой и смешной фамилии, оставил ему ничего не говорящую полякам фамилию «*Kiziakołupienko*».

В случае с именем и фамилией «какого-то коровьего пастуха Тымиша Коростявого» переводчик поступил по-другому: к сожалению, он понизил фамилию Коростявый (от короста 'чесотка, свербежная сыпь' [4: II, с. 169]) как *Kostropaty* (в польском 'szorstki, nierówny, chropawy'), и «Коростявый» стал «Шершаватым». Переводчик, по-видимому, сознательно сделал это, потому что «короста» на польский переводится как «*prach*», и «Коростявый» должен был бы стать «Пархатым» (*Parchaty*), что вызвало бы ненужную ассоциацию.

В целях сохранения украинского локального колорита Ежи Бженчковский для обозначения наименования жён по мужу использует нетипичный для польского языка суффикс «-icha / -ucha» («-иха») вместо привычного «-owa» [6: с. 130]: «*stara Pereperczycha*» / «старая Переперчиха», «*gruba tkaczucha*» / «толстая ткачиха», «*diaczucha*» / «дьячиха».

В некоторых случаях переводчик оставляет очень насыщенные экспрессией украинские вкрапления без перевода. Украинскую «шедровку»: «Щедрик, ведрик! / Дайте вареник, / Грудочку кашки, / Кільце ковбаски!» (116) — переводчик дает в польской транслитерации, в которой поляку, по-видимому, понятны два слова — «дайте» и «кашки»: «*Szczedryk, wedryk! / Dajcie werenyk, / Hrudoczku kaszki / Kilce kowbaski!*» (78).

Яркой особенностью стиля «Ночи перед Рождеством» является обилие фразеологизмов. Как правило, Гоголь воспроизводит фразеологические обороты в том виде, в каком они закрепились в русском языке. В большинстве своём это разговорные и просторечные фразеологические единицы, характеризующиеся ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской. Перевод фразеологизмов, как известно, представляет собой одну из самых сложных и в то же время интересных проблем, так как необходимо найти «смысловое, экспрессивное и функционально-стилистическое соответствие фразеологизму оригинала» [1: с. 185]. Используемые Гоголем фразео-

логизмы характерны для большинства славянских языков, что обусловлено похожими обстоятельствами жизни, схожими культурными ценностями, интересами и моделями поведения. В большинстве случаев переводчик без особого труда находит эквивалентные польские фразеологизмы, употребляемые в повседневных ситуациях, например: «Брались за животы со смеху» (102) / «Aż za brzuchy trzymali się ze śmiechu» (55); «Ни с сего ни с того» (99) / «Ni stąd ni zowąd» (51); «Хоть глаз выколи» (102) / «choć oko wykol» (55); «И недуг как будто рукой снимался» (118) / «i chorobę jak ręką odjął» (81); «И кузнец обомлел от страха» (101) / «I kowal, zdrętwiał ze strachu» (87); «А так, иду, куда ноги несут» / «idę, gdzie nogi poniosą»; «А к утру влюбилась по уши в кузнеца» (135) / «a nad ranem po uszy zakochała się w kowalu» (109); «Вот тебе и нагайка: бей, сколько душа пожелает» (137) / «Masz tu nahaj: bij ile dusza zapagnie...» (112).

Наряду с этим в повести встречаются примеры изменения устойчивых сочетаний, употребления их в обновлённом, стилистически комическом значении. «Рожа, как говорит Фома Григорьевич, мерзость мерзостью, однако ж и он строит любовные куры!» (101) / «Gęba, jak powiada Foma Grigoriewicz, obrzydlistwo nad obrzydliwstwami, a jednak i on się umizga» (однако и он увивается) (54). Переводчик мог бы поискать в польском языке более-менее меткий фразеологизм, например, «smalić cholewki» (обжигать голенища). Однако вместо этого он даёт невыразительный описательный перевод. Вот ещё примеры: «ленивый и не лёгок на подъём», т.е. '(не)охотно берётся за что-либо', переводит как «leniwy i niemrawy» (ленивый и вялый); «хотя сам бывал от них без ума» (111) переводит просто как «chociaż i zazwyczaj w nich bardzo gustował» (очень их любил).

В том случае, когда русские фразеологизмы не имели полных эквивалентов в польском языке, переводчик старался найти фразеологизм, похожий по смыслу, функции и стилистической окраске: «Только отец мой сам не промах» (105) — «Ale mój ojciec też nie w ciemną bitę» (61); «как будто ни в чем не бывал, побежал далее» (99) — «...i jakby nigdy nic pobiegł dalej» (51). Польский эквивалент «nie był z nim w dobrej komitywie» для фразеологизма «Был не в ладах» нельзя считать удачным, так как слово «komitywa» — 'близкие отношения' является латинизмом и в данный контекст вносит ненужный оттенок учёности. Иногда, чтобы не повторяться, переводчик подыскивает в польском языке синонимичные эквиваленты: «Вот тебе на!» — «Ładna heca!» — «Masz ci los!». Имеются также примеры, когда польский фразеологизм не соответствует русскому по смыслу: «В ус не дул» (138) — «nie pozwolił sobie w kaszę dmuchać» (113) ('не раз-

решил дуть себе в кашу'). Значение фразеологизма «в ус не дуть» — 'не обращать внимания на что-то' — очень сильно меняется, так как «dmuchać komu w kaszę» означает 'грубо вмешиваться в чьи-то дела'. «Дурачить кого-то» (117) переводится как «zawracać komu głowę» (79), т.е. ошеломлять кого-то, быть надоедливый.

Переводчик хотел приблизить язык перевода к языку оригинала, стараясь сделать его более архаичным, вводя некоторые языковые элементы (грамматические и лексические), устаревшие с точки зрения языка XX века. Например, наречие «скорее» переводит не «szybciej», но «rychlej» [«Утащим скорее их ко мне в хату...» (121) — «Ciagnijmyż je co rychlej do mojej chaty...» (87)], «человек» как «człek», не «człowiek» [«Сделай милость, человек добрый, не откажи!» (119) — «Zmiłuj się, dobry człeku, nie odmawiaj» (83)], «но» как «aleć», не как «ale» [«дворянин и попотчует его; но, как нарочно, все дворяне оставались дома» (122) — «szlachcic i poczętuje, aleć jak na złość wszyscy szlachcice siedzieli w domu» (89)]. Употребляет архаичные формы первого лица множественного числа глаголов настоящего времени без окончания «-ы», которые были характерны для польского языка XIX века: «Nie wstaniem, matuchno, nie wstaniem!» (103).

Заслуживающей внимания при анализе перевода является и настойчивое желание Бженчковского подыскивать чрезмерное количество синонимов для обычных лексических единиц. Неизвестно, почему существительное «царица» переведено словами «сагуса» и «сагова», имеющими идентичное значение. В современном польском языке чаще употребляется «сагуса» (некоторые словари не фиксируют «сагова»). Возможно, в XIX веке чаще говорили «сагова», поэтому переводчик употреблял это слово чаще. Но для современного читателя «сагова» — это прежде всего жена царя, что в случае с Екатериной II явно неуместно.

Подобным образом переводчик поступил и с демоническими персонажами — чертями, ведьмами, довольно симпатичными (с точки зрения их внешнего вида и их дел, которые они творят в человеческом обществе). Рассмотрим, какие слова использует переводчик для их номинации. Чёрта Гоголь называет чаще всего «чёртом», дважды «сатаной». Интересно, что писатель не использует таких синонимов, как «дьявол», «бес», «антихрист» и т.д. Переводчик предпочитает «diabeł» или «czart», однако слово «czart», имеющее устаревший оттенок, появляется гораздо реже, например: «Что будет, то будет, приходится просить помощи у самого чёрта» (119) — «Co ma być, niech będzie, lecz muszę prosić o pomoc samego czarta» (83); «Когда нужно чёрта, то и ступай к чёрту!» — отвечал Пацюк» (119) — «Skogo komuś potrzebny czart, to niech idzie do czarta! — odrzekł Paciuk» (83); «Как

будет беситься хромой чёрт» (120) — «*Jak wścieknie się kulawy czart*» (86). Во всех остальных случаях переводчик употребляет слово «*diabeł*», самое нейтральное в современном польском языке. Вот несколько примеров: «испуганный чёрт метался во все стороны» (100) — «*przerażony diabeł miota się we wszystkie strony*» (52); «Чёрт таким же порядком отправился вслед за ней» (106) — «*Diabeł w ten sposób ruszył za nią*» (63); «Убирайся к чёрту со своими колядками» (109) — «*Idź do diabła ze swoimi kołędami*» (68); «приходишься немного сродни черту» (118) — «*... jesteś nieco spokrewniony z diabłem*» (82).

В повести встречается немало проклятий со словом «чёрт». В польском языке в словосочетаниях-проклятиях довольно часто появляется слово «*czort*», наделённое разговорным оттенком, тем не менее в переводе оно встречается лишь два раза: «Эх, добрая баба! чёрт-баба!» (107) — «*Ech, dobra baba! Czort-baba!*» (64). Переводчик воспользовался им, потому что оно здесь больше подходит, чем, например, «*diabeł-baba*» или «*bies-baba*». Почему это существительное не появляется в проклятиях? Почему фраза «что за чёрт» переводится «со u *diabła*», хотя есть словосочетание «со u *czorta*»? Таких случаев, когда можно было бы употребить слово «*czort*», гораздо больше. Правда, появляется оно как обращение: «Эй, сатана, полезай ко мне в карман да веди к запорожцам!» (128) — «*Hej, czorcie, włóż mi do kieszeni i prowadź do Zaporozców!*» (98). Почему дано «*czorcie*», а не «*szatanie*», неизвестно.

К демоническим персонажам относится и Солоха, названная Гоголем «ведьмой». Для перевода Бженчовскому понадобились и «*wiedźma*» (ведьма), и «*czarownica*» (колдунья), являющиеся в польском языке синонимами. На наш взгляд, в слове «*czarownica*» менее ощутимы коннотации нечистой силы, а потому переводчик смягчил очень сильное ведьминское начало: ведь образ Солохи нестрашный и привлекательный: «Правда, что твоя мать ведьма? — произнесла Оксана и засмеялась» (105) — «*Czy to prawda, że twoja matka jest czarownicą? — powiedziała Oksana i roześmiała się*» (61); «но кое-где начинали поговаривать старухи /.../, что Солоха точно ведьма» (107) — «*tu i ówdzie staruchy zaczęły pogadywać /.../, że Sołocha jest rzeczywiście czarownicą*» (65).

Предпринятый анализ польского перевода «Ночи перед Рождеством» позволил сделать некоторые итоговые замечания. Ежи Бженчовски стремился сохранить колорит украинского села XIX века. Проблема перевода обращений в целом не составила большой сложности: факт отсутствия в польском языке обращения на «вы» переводчик преодолел с помощью приемов архаизации и диалектизации языка персонажей. Со сложностями

ми, заключающимися в переводе собственно украинских обращений, переводчик частично справился, стремясь сохранить аутентичность разговора с царствующей особой и подыскав для перевода довольно необычные для поляков формы обращения (к царице). Обращение запорожцев «бацько» к Потёмкину оставлено Бженчковским без перевода. Справился ли переводчик с проблемой гоголевской ономастики?

Ю.В. Манн писал о странном и необычном в именах и фамилиях персонажей Гоголя, подчеркнув, что эти признаки особенно заметны «на фоне обычной ономастики, составляя в ней в этом отношении род отступления от нормы» [7: с. 123]. В рассматриваемой повести все антропонимы являются нормой с точки зрения украинского языка и традиции. В русской транслитерации они воспринимаются как комические отклонения от нормы. Переводчик ограничился буквально несколькими случаями перевода, не всегда адекватного, а остальные антропонимы транскрибировал, что привело, во-первых, к тому, что полякам в этом переводе осталась недоступна семантика имён, и, во-вторых, — к утрате неповторимого гоголевского комизма. Легко поддавались переводу фразеологизмы, использованные Гоголем, так как они характерны для большинства славянских языков, в том числе и для польского языка. Надо отметить усилия переводчика разнообразить текст своего перевода: он вводил синонимы некоторых фразеологизмов (если они повторялись) и лексических единиц («царица», «ведьма», «чёрт»), что, на наш взгляд, не всегда оправданно. В целом, несмотря на трудности, вызванные различиями в культуре и в языке русского, украинского и польского народов, переводчику в значительной степени удалось передать атмосферу, созданную Гоголем в этой повести. Тем, кто не читает по-русски, перевод Бженчковского поможет понять мир писателя.

Литература

1. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов. – 2-е изд. – М.: КДУ, 2004. – 236 с.
2. Гоголь Н.В. Ночь перед Рождеством / Н.В. Гоголь // Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Дикиньки. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 97–138.
3. Gogol M. Noc wigilijna // M. Gogol: Opowiadania. – Wilnius: Państwowe Wydawnictwo Literatury Pięknej Litewskiej SRR, 1953. – P. 49–114.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1978–1980.
5. Encyklopedia wiedzy o języku polskim. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978.
6. Jadacka H. Kultura języka polskiego: Fleksja, słowotwórstwo, składnia / H. Jadacka. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006. – 253 с.

7. Манн Ю. Поэтика Гоголя / Ю. Манн. – М.: Художественная литература, 1988. – 413 с.
8. Słownik języka polskiego: в 11-ти тт. / Red W. Doroszewski. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958–1969.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. / М. Фасмер. – Т. 1. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 448 с.

B. Dvilevich

Specific Features of the Polish Translation of “The Night before Christmas” of N. Gogol

The article is devoted to the analysis of the Polish translation of N. Gogol’s tale “The Night before Christmas”. The following features are highlighted: the problems of reference forms, proper names translation, phraseologisms and some lexical items connected with certain cultural traditions.

Key words: N. Gogol; translation; Polish language; Russian language; proper names; phraseologisms; reference forms.